

Ирина Мехх

Ближе, чем кажется

Ирина Мехх

Ближе, чем кажется

<https://litres.ru/74222003>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она боится не любви, а того, что в любви снова станет меньше. Он не захватывает — выдерживает. Между ними растёт тишина, в которой можно дышать, и память, которую пока нельзя объяснить. Современная психологическая проза с лёгким мистическим слоем: медленное сближение, внимание к телесной правде, бережная близость. Море и город становятся картой их встреч и немых вопросов. Первая часть большой истории — о выборе себя и о тайне, которая ближе, чем кажется; разгадка начнётся здесь, но не будет окончательной.

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ирина Мехх

Ближе, чем кажется

Пролог

Волна доходит до формы

— Как они встретились? — Всё началось со взмаха крыльев бабочки. Она не нуждалась в объяснениях — её совершенство было безусловным, как всё, что не пытается быть понятым. Море к закату становилось тише не от ветра: свет уходил глубже, унося с собой тяжесть форм и их привычные имена. В такие часы всё вокруг не завершалось, а проступало: линия горизонта, влажный песок, редкие следы у воды, дыхание волн — слишком ровное, чтобы быть случайным. Небо ещё держало остатки дня, но уже начинало принадлежать чему-то более древнему — тому времени, когда вещи узнаются, даже если их не называют.

Она шла босиком по кромке, как ходят те, кто не ищет дороги: пришла не к цели, а чтобы услышать. Ветер поднимал волосы, солёная влага садилась на кожу, и море касалось ступней той осторожной настойчивостью, какая бывает только у памяти.

Она не всегда умела жить на суше. В воде всё казалось

проще: там не нужно объяснять, почему ты молчишь, отдаляешься, не можешь быть рядом каждый день. Вода принимала её ритм, не требуя отчёта. На суше люди ждали слов, присутствия, постоянства. Им хотелось знать, что она здесь, что она не исчезнет, что она — своя, своя, надолго. И всякий раз, когда её начинали держать слишком крепко, внутри что-то сжималось — и она уходила в глубину. Не обязательно в воду; чаще — в себя.

Это было место, куда не приходят за ответами. Сюда приходили, когда внутри слишком много несказанного, пережитого без формы, такого, чему трудно подобрать язык. Море принимало это без вопросов. Не лечило. Не утешало. Но делало важное — не уменьшало.

Она знала: есть состояния, для которых у людей мало пространства. Глухая тоска. Тонкая радость. Нежность, которая не просит разрешения. Внутренняя жизнь, которую проще назвать «сложностью», чем выдержать как чью-то природу. Поэтому она любила море не за красоту, а за сходство. Оно тоже было слишком живым, чтобы быть удобным; слишком изменчивым для тех, кто понимает надёжность только как предсказуемость; слишком глубоким, чтобы его узнавали одним взглядом.

Она остановилась там, где волна доходила до щиколоток и отступала, оставляя на песке тонкую дрожащую кайму пены. Закат гас медленно, и в этом медленном угасании было больше близости, чем во многих человеческих словах. Она

подняла лицо к ветру и закрыла глаза. Иногда ей казалось, что вся её жизнь — попытка найти форму для того, что она чувствует. Не спрятать, не упростить, не сделать удобным, а найти такую форму, в которой глубина не становится грузом, а чувствительность — виной. Она знала: если сейчас уйдет, она больше не выйдет, а если останется — придётся учиться быть на суше. Учиться не исчезать, когда становится страшно.

Когда она открыла глаза, сразу увидела его — ещё до того, как смогла рассмотреть лицо. Заметив у воды чужую фигуру, она машинально надела сандалии и аккуратно застегнула пряжку. Осторожность вернулась в тело так же просто, как вдох. Он стоял в нескольких шагах дальше, там, где песок темнел от воды. Не слишком близко — словно уважал границы её пространства, и не слишком далеко, будто боялся подойти. В той точке, где присутствие не нарушает, а даёт знать о себе. Сначала она заметила не его самого, а способ, которым он стоял. В этом было что-то странно знакомое: не жест, не силуэт — внутренняя неподвижность. Словно пришёл сюда не случайно и умел быть на берегу не меньше, чем море.

Он не делал ничего особенного. Не звал её. Не смотрел пристально. Не пытался завладеть её вниманием. И именно это изменило воздух между ними. Она ощутила лёгкий сдвиг реальности — едва заметный, но безошибочный. Так бывает, когда открываешь давнюю книгу и на первых строках узна-

ёшь не текст, а себя в том времени, когда уже однажды так чувствовала. Не вспоминала — узнавала.

Он повернул голову, словно уловил её взгляд. Между ними не произошло ничего из того, что обычно называют встречей: не было резкого удара сердца, внезапной театральности, яркой хищной искры, которая любит маскироваться под судьбу. Было другое — тихое, глубокое узнавание, от которого внутри не сжимается, а наоборот, что-то медленно отпускает напряжение, словно уставшее тело перестаёт ждать удара.

Странное чувство поднималось всё яснее: они не знакомы — и всё же как будто однажды уже стояли друг напротив друга. Может быть, не здесь. Может быть, не в этой жизни её памяти. Скорее — в том внутреннем месте, где душа заранее знает форму того, что однажды её не разрушит. Это было не воспоминание в обычном смысле, а отклик. Будто море между ними уже однажды произносило их имена, только тогда они не смогли остаться. И встреча когда-то уже была — незавершённая, прерванная временем, страхом или незрелостью сердца. И теперь жизнь осторожно возвращала их друг к другу — не как незнакомцев, а как тех, кому дали ещё одну возможность узнать то, что когда-то было только обещано.

Он сделал несколько шагов — ровно столько, чтобы расстояние перестало быть пустотой, но не стало вторжением. «Красивый вечер», — сказал бы любой другой, заполняя тишину. Он ничего не сказал.

И она почувствовала благодарность именно за это: за то, что он не разрушил первое мгновение словами, которые ещё не могли вместить его смысл; не попытался немедленно стать знакомым; не принёс с собой голода. Ветер шевелил край его одежды. Волны подходили и отходили, будто море тоже прислушивалось к ним.

Она не знала, сколько прошло — несколько секунд или целая старая жизнь, сжатая в один взгляд. Но впервые за долгое время рядом с мужчиной ей не понадобилось собираться, закрываться, измерять дистанцию между интересом и опасностью. Пришло другое, редкое ощущение: ей не нужно ни исчезать, ни защищаться.

Он смотрел спокойно — не на редкость, которую хочется присвоить, а на явление природы, перед которым можно только быть внимательным. В этом взгляде было что-то настолько тихое, что стало почти больно. Не той болью, что предупреждает об угрозе, а той, что приходит, когда слишком долго живёшь без нужного тебе качества, а потом вдруг встречаешь его в реальности.

Она поняла это не умом, а всем своим внутренним морем: перед ней стоял не охотник. Не спасатель. Не человек, которого опьяняет чужая глубина, пока она остаётся красивой и удобной. Перед ней стоял берег. Не тот, о который разбиваются. И не тот, что требует от воды перестать быть водой. А тот, рядом с которым волна может наконец дойти до своей формы — и не исчезнуть.

Он чуть заметно кивнул, будто подтверждая не знакомство, а уже случившееся без слов узнавание. И тогда ей впервые подумалось, что, возможно, некоторые встречи не начинаются — они продолжаются. Иногда жизнь просто доводит нас до места, где можно узнать в другом не нового человека, а давно ожидаемое присутствие.

Море темнело. Сумерки мягко собирали берег. Между ними ещё не было ни имён, ни истории, ни обещаний. Только это странное древнее чувство: путь друг к другу начался задолго до этого вечера и лишь теперь стал видимым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.